

Игорь ИСАЕВ

Евразийство: идеология государственности

Сейчас о евразийстве говорят много. При этом каждый рассуждающей вкладывает в понятие свой смысл, иногда довольно неожиданный. И все же во всем многообразии суждений определенно просвечивает один мотив — географическое, сугубо пространственное истолкование евразийства. Проблем, которые Россия имела и имеет на Западе, предполагается избежать на Востоке. Поворот в эту сторону, кажется, вполне осуществим, поскольку и страна, и культура наши всегда находились в промежуточной зоне между Европой и Азией. Кажется, что к этому повороту побуждает и наш исторический опыт. Ведь войны и революции в Новое время шли к нам с Запада (если не считать оевропеившуюся в XX веке Японию). Примеривание к России западных культурных, государственных и правовых моделей, начиная с Петра I и чуть раньше, никогда не кончалось добром, вело к смутам и революциям.

Что мы видим сейчас? Распавшаяся Империя стала политически неорганизованным пространством, *зажатым* между Востоком и Западом, которые оказались лицом к лицу без прежней промежуточной зоны. Традиционная подозрительность к западным влияниям и корыстным расчетам при этом сохраняется. Она усугубляется разочарованием в обещанной, но не поступающей экономической помощи со стороны Запада. А потому естественная реакция — обращение на Восток. Таковы в самой примитивной форме мотивы нового поворота нашего двуглавого (Запад — Восток?) орла к той идеологии, которую условно можно назвать «евразийской».

Корни евразийского мировоззрения уходят глубоко в историю. Ближе всего к нашему времени и, видимо, глубже и последовательнее основные его идеи были сформулированы уже в XIX веке К. Леонтьевым и Н. Данилевским. Но классический период евразийской концепции совпадает с 20-ми годами нашего века.

История движения

«Евразийцы» — так стала называть себя группа талантливых и относительно молодых русских эмигрантов, заявившая о себе в самом начале 20-х годов. Родона начальниками и интеллектуальными вождями нарождающегося движения стали филолог и лингвист Н. Трубецкой, музыковед и публицист П. Сувчинский, географ и экономист П. Савицкий, историки М. Шахматов, Г. Вернадский, Л. Карсавин, Г. Флоровский, правоведы Н. Алексеев и В. Ильин. Впоследствии некоторые из них, как, например, Флоровский, отошли от движения и в его орбиту вовлекались новые люди. За время своего относительно непродолжительного существования евразийство не раз меняло облик.

Исаев И. А. — доктор юридических наук, академик Академии наук высшей школы, профессор Московской государственной юридической академии.

Евразийцы начали свою публикаторскую деятельность в Софии в 1920 году, а затем активизировали ее (поочередно) в столицах европейских государств — Праге, Париже, Берлине. Кроме монографических трудов и сборников статей они выпускали периодические альманахи «Евразийская Хроника» (Прага) и «Евразийский временник» (Берлин, Париж), а со второй половины 20-х годов печатали во Франции газету «Евразия». Их многочисленные публикации, появившиеся на протяжении 20—30-х годов, находили широкий и неоднозначный отклик в кругах русской эмиграции.

В архивных материалах органов безопасности содержатся сведения о том, что с 1925 года евразийская (тогда еще малочисленная) группа начинает более или менее регулярно финансироваться через посредство С. Мачевского-Мачевича неким богатым англичанином Спольдингем. По агентурным данным, в период с 1925 по 1926 год группе было выделено около миллиона франков. В этот же период евразийский центр перемещается из Праги в Париж, а само движение принимает определенно выраженный политический характер.

В политическом плане евразийство оказалось одной из ветвей более широкого движения, получившего название «сменовеховство». В целом для сменовеховства были характерны такие черты, как пестрота составных частей идеологии, неопределенность позитивной программы, чрезмерная широта идеологического охвата (оно претендовало на влияние на культуру, экономическую и правовую мысль и т. п.) при общей нечеткости положений политической платформы. Евразийство, как мне представляется, сумело более определенно выразить политические устремления сменовеховства, придав им достаточно четкие программные и теоретические формы. Стремление евразийцев сформулировать свои идейные установки в предельно формализованном и общем виде привело к тому, что именно этому течению удалось сделать наиболее логичные и последовательные выводы из общих умонастроений сменовеховства (определенную роль здесь сыграл и тот факт, что евразийство оказалось более долговечным, чем отечественное сменовеховство, захватив и 30-е годы).

Первая сводная программа евразийцев была опубликована в Париже в 1926, вторая — в 1927 году. В 1926—1927 годах в парижскую группу входили: П. Сувчинский, Л. Карсавин, А. Зайцев, В. Никитин, А. Меллер-Закомельский, В. Ильин, Н. Татищев, Т. Товстолес, С. Эфрон, К. Родзевич, А. Туринцев, Н. Клепинин, В. Росси, М. Струве, Н. Сеземан, В. Варшавский, М. Цветков, Т. Аметистов и другие.

С парижской евразийской группой сотрудничали видные писатели и ученые, не входившие в состав движения: Г. Федотов, Б. Вышеславцев, лидер «национал-большевиков» Ю. Ширинский-Щихматов и другие.

Лондонская группа включала: П. Мачевского-Мачевича, П. Агапова, А. Волкову, Нарышкина. С пей тесно сотрудничал один из идеологов сменовеховства Д. Святополк-Мирский.

В Праге евразийскую группу составили: П. Савицкий, Н. Алексеев, К. Чхеидзе, Г. Вернадский (в 1927 году переехал в Америку), Н. Дунаев, А. Усачев, В. Куликов, С. Пушкирев, Белецкий, Антипов, Толь и другие.

В других городах работали: в Вене — Н. Трубецкой, в Афинах — В. Дейтрих, в Белграде — Н. Стороженко и Р. Дрейлинг, в Варшаве — Артамонов и Войцеховский, в Брюсселе — Н. Степанов, Н. Перфильев, В. Яновский, С. Мачевский-Мачевич, Н. Сербулов.

Активная политическая и научная переписка велась с Харбином, где находился лидер сменовеховцев Н. Устрялов.

Превратившись в политическую партию, евразийцы уже не могли ограничиться работой в эмиграции. Перед ними встала задача проникновения в СССР. Большие надежды евразийцы возлагали на «правую» оппозицию, которая, как им казалось, была ориентирована на евразийский путь развития России.

¹ От редакции. В нашем журнале уже неоднократно публиковались статьи по евразийству, в том числе освещавшие состав евразийских организаций и их программу (см. Н о в и к о в а Л., С и з е м с к а я И. Политическая программа евразийцев: реальность или утопия? «Общественные науки и современность», 1992, № 1). Однако мы считаем нужным, отчасти повторяясь, привести здесь данный материал, извлеченный из архива НКВД и исключительно полно отражающий тему. (Инициалы некоторых участников движения в документах не указаны.) См. Справка «О евразийстве». Источник: «Лидер», 25 октября 1938. Архив службы внешней разведки РФ (рассекречено).

С 1924 года начались регулярные поездки в СССР: Муколов, 1924 (был арестован); Агапов (1925, 1926, 1927); В. Иванов, Аксаков, Савицкий (1927). С 1926 года организацию работы по связям с СССР взял на себя Зайцев, близко сотрудничавший с генералом Кутеповым и монархической организацией, лидером которой был П. Марков. Слишком правые ориентации Зайцева привели его в следующем году

к выходу из евразийского движения. Годом раньше (1926) Сувчинский встречался в Париже с одним из руководителей большевиков Пятаковым. Почти все связи евразийцев, как выяснилось позже, осуществлялись через посредство созданной ОГПУ лжеконсперативной организации «Трест». Деятельность евразийских групп находилась под контролем спецслужб. Политически движение оказалось в кризисной ситуации.

С 1928 года парижской группой начала издаваться газета «Евразия», которая пыталась сформировать новый курс евразийства. Он выразился в усилении просоветских элементов идеологии: все, что происходило в СССР, принималось как «евразийское дело», евразийцы признали «генеральную линию» ВКП(б), пятилетний план, отказались от многих прежних идеологических установок.

Другие евразийские группы встали в оппозицию новому курсу евразийского руководства. Оппозицию возглавили Савицкий и Алексеев. В 1928 году произошел раскол движения на правое и левое крыло (Трубецкой ушел из евразийства совсем). Левое крыло составила группа газеты «Евразия», включавшая — преимущественно — парижских евразийцев: Сувчинский, Карсавин, Никитин, Агапов, Эфрон, Родзевич, Э. Литтауэр, Е. Ларин, Н. Афанасьев, Мусин-Пушкин. С газетой сотрудничал сменовеховец Святополк-Мирский. Было выпущено около 50 номеров (раскол произошел на седьмом номере), постепенно газета превращалась в простой информационный листок, евразийские мотивы из нее быстро исчезали. Некоторое время Спольдинг продолжал ее финансировать.

Вскоре распадается и парижская группа. Карсавин, Никитин и Иванов отходят от движения. Эфрон, Родзевич, Литтауэр, Ларин, Афанасьев и Мусин-Пушкин вступили кто во французскую компартию, кто в «Союз возвращенцев на Родину» и в той или иной форме стали сотрудничать с советскими властями. П. Мачевский-Мачевич примкнул к правому крылу движения, которое просуществовало еще некоторое время.

Осенью 1930 года в Брюсселе прошел евразийский съезд, на котором были приняты программа «Формулировка 1930 года» и устав евразийской организации. В ЦК движения вошли: Савицкий, Алексеев, Чхеидзе, Клепинин, С. Мачевский-Мачевич.

Обновленные группы составили: пражскую — Савицкий, Чхеидзе, Усачев, Антипов и др.; парижскую — Алексеев, Клепинин, В. Покровский, В. Куликов, Дунаев, А. Эйснер, Ильин, В. Кондратьев, Т. Шульц и др.; брюссельскую — С. Мачевский-Мачевич, Н. Перфильев, В. Яновский, А. Нолпанис, Н. Сербулов, В. Рыжова и другие.

В Белграде продолжали деятельность Стороженко, Дрейлинг и еще несколько человек. Небольшие группы работали в Эстонии и Латвии. В Нью-Йорке обосновались Вернадский и Бромберг.

Связь с СССР осуществляли Л. Столбушинский (в Латвии) и Пель (в Эстонии). Во Франции отправкой евразийской литературы в СССР занимался В. Шварц.

Правое крыло евразийцев делало попытки установить связи с правыми политическими группировками в Европе. В 1932 году Антипов ездил в Германию на съезд группы «Черный фронт» О. Штрассера, примыкавшей к нацистам. В том же году в Париже Алексеев и Клепинин вступили в контакт с французской левой группой, а Перфильев искал таких же контактов в Брюсселе.

Распад движения продолжался. В 1932 году из него были исключены С. Мачевский-Мачевич и Нолпанис. Весной того же года Клепинин и Эфрон начали сотрудничать с советской разведкой, организовав для этой цели в Париже евразийский клуб. Осенью 1932 года Клепинин, Кондратьев, Перфильев, Яновский были исключены из движения, а клуб объявлен «неевразийским».

Часть евразийских идеологов в политическом плане значительно сдвинулась вправо: Савицкий издал книгу под характерным названием «Разрушающие Россию», Ильин стал сотрудничать в правой газете «Возрождение».

Основные идеи евразийцев

Мировоззренческие амбиции евразийства достаточно велики — оно претендовало на осмысление многих проблем духа и бытия. Однако, несмотря на широту Охвата, в этих воззрениях прослеживается один ведущий аспект устремлений идеологов евразийства: мысль о замкнутом, самодостаточном пространстве, нося-

шем название «Россия—Евразия»². Это обособленный географический и культурный мир, особая цивилизация. «Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому— писали евразийцы,— что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта как симфонической личности. Нам уже недостаточно того смутного культурного самосознания, которое было у славянофилов, хотя мы и чтим их как наиболее нам по духу близких. Но мы решительно отвергаем существо западничества, т. е. отрицание самобытности и... самого существования нашей культуры»³.

География

Евразия как особое географическое пространство находится на пути двух колониционных волн, идущих с Востока и Запада и сталкивающихся на берегах Берингова моря. При этом пространственная целостность евразийского «месторазвития» задана его географической спецификой: почти все реки Евразии текут в меридиональном направлении — на юг или север, а непрерывная степная полоса объединяет и пронизывает ее с запада на восток. «Степная полоса — становой хребет ее истории». Объединителем Евразии не могло бы выступить государство, возникшее и утвердившееся в том или ином отдельном речном бассейне. Всякое «речное» государство постоянно находилось бы под угрозой и контролем прорезавшей его степи. Только тот, кто владел степью, легко становился политическим (и культурным) объединителем всей Евразии.

Ограниченное с севера тундрой, а с юга горной грядой, это уникальное образование мало соприкасается с Мировым океаном, что исключает активное участие в океаническом колониальном хозяйстве, характерном для Западной Европы. Вместе с тем огромные размеры, прилегающее с двух сторон водное пространство и наличие естественных богатств постоянно подталкивают Евразию к идее и осознанию экономической самостоятельности, превращению ее в автономный «континент-океан». Тот факт, что Евразия имела выход к настоящему океану, не имел для нее никакого значения: это был «выход в пустоту».

Евразия кажется обездоленной из-за своей отстраненности от океанического обмена. Чтобы компенсировать этот недостаток, она вынуждена была перестраивать всю структуру материального производства, в результате чего произошло разделение территории на промышленные и сельскохозяйственные районы. Поскольку во всем приходилось полагаться только на себя, для удовлетворения жизненных нужд создавались производства внутри страны⁴.

Культура: истоки и влияния

В географической целостности Евразии заложены основы ее культурного единства. Категория «*границы*» оказывается важной для понимания существа евразийской культуры. Эта культура находилась по западную сторону рубежа, обособлявшего оседлую европейскую цивилизацию от чуждой ей по духу цивилизации Великой степи (кочевые народы), и по восточную — рубежа конфессионального, разделявшего христианство истинное (православие) и «еретическое» (католичество и протестантизм). Русь осознавала себя одновременно и центром мира, и его периферией, ориентировалась одновременно и на изоляцию, и на интеграцию⁵.

² С точки зрения евразийцев, Евразия — это отнюдь не совокупность всех территорий двух континентов — Европы и Азии, — а часть этих территорий, совпадающая с границами империи Чингизидов, Российской империи, СССР, на которой постоянно воспроизводятся сходные формы государственности и культуры.

³ Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926, с. 33.

⁴ С а в и ц к и й П. Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок). «Исход к Востоку». **София, 1921**, с. 124.

⁵ См. Л о т м а н Ю. М. Редакционная статья. «Труды по знаковым системам». Вып. 15. Тарту, 1982, с. 5-6.

Пространственная обособленность позволяет выделить особый этнический тип, сближающийся на периферии как с азиатским, так и европейским типами, но не совпадающий с ними: «Надо осознать факт: мы не славяне и не туранцы (хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие), а русские»⁶.

«Россия—Евразия» в первую очередь является продолжательницей культурных традиций Византии. Однако византизм — не единственный элемент евразийской культуры: заметный след в ней оставила также восточная волна, накатившаяся на Русь из монгольских степей в XIII веке. Таким образом, по своему духу евразийская культура представляется культурой-наследницей, осваивающей чужие традиции (когда центры возникновения последних уже угасли) и соединяющей их генеральной идеей — православием.

Отрыв евразийства от славянофильской (почвеннической) традиции проявляется здесь особенно очевидно. Дух степи и этническая динамика затмевают в концепции собственно славянскую традицию, перемены и историческое движение превалируют над стабильностью. Наконец, утрачивается само представление о русской национальной культуре, она растворяется в пестроте этнических волн, захлестывающих пространство Евразии.

Геополитика

Единство культурно-материковое нельзя смешивать с национально-государственным, поэтому сопоставление «России—Евразии» с любым из (конфедеративных государств Европы неправомерно. И если уж допустимо проводить здесь аналогии, то по крайней мере с такими этногеографическими организмами, как империя Карла Великого, Священная Римская империя или империя Наполеона. При подобном сравнении очевидны большая устойчивость и реальное единство Евразии.

Отмеченные особенности «континента-океана» заставляют искать истоки его жизнеспособности не в Киевской Руси, ставшей лишь колыбелью будущего «руководящего народа» Евразии, и даже не в Северо-Восточной Руси. «Впервые евразийский культурный мир предстал как целое в империи Чингис-хана... Монголы формулировали историческую задачу Евразии, положив начало ее политическому единству и основам ее политического строя». Приемницей монгольского государства стала Московская Русь. Российская империя почти закончила государственное объединение Евразийского материка и, «отстояв его от посягательств Европы, создала сильные политические традиции»⁷.

Однако существо русско-евразийской идеи оставалось неосознанным правящей элитой, которая подверглась сильной европеизации. Европейский элемент вызвал в ее мышлении значительные сдвиги: национальная идея Москвы как наследницы Византии и оплота христианства в борьбе с азиатским язычеством и западной еретической культурой «утратила свой религиозный смысл и была заменена позитивно-политической идеей империи и империализма; культурная задача стала формулироваться обедненно и чисто эмпирически — как рост государственной территории и государственной мощи». Этот процесс совпал с быстрым продвижением России на Восток и переходом ее в лагерь своего вчерашнего врага — Европы — в ходе борьбы с исламом. «Прошлая разграничительная линия между русской и азиатскоязыческой культурами... исчезла: безболезненно и как-то незаметно границы Русского государства почти совпали с границами монгольской империи»⁸.

Надо отметить, что проблема ислама — одна из плохо решенных в евразийской концепции. Идеализация восточного влияния на Россию — момент идеологический даже для ее апологетов. В восточную ориентацию приходилось, скорее, верить. Да и представление об исламе как эпигоне христианства

⁶ Евразийство. Опыт систематического изложения, с. 357. (Туранцы — этническая группа близкая к иранскому типу.)

⁷ Там же, с. 39.

⁸ Там же, с. 29.

воспринимается неоднозначно. Нечто механическое ощущается в фазах линейного движения: наследование Россией границ чингисхановской империи, трансформация монгольской государственности в московскую, плавное и постепенное продвижение на Восток. Оставалось самое болезненное противоречие — разрыв и борьба славянства и ислама (вещим было воспоминание о балканских войнах). Место ислама в евразийском мирозерцании — острая и актуальная проблема и сегодня.

Европеизация России вызвала также размывание понятия «западная граница». Правящие круги стали считать Россию частью Европы, и на смену старой идеологии Москвы как преемницы Византии пришла созданная по европейскому образцу «неоклассическая и романтическая генеалогия русской культуры», основы которой выводились из славянской традиции. Однако по-прежнему пространство, очерченное пределами Евразии, рассматривалось изнутри как ограниченное и от славянства, и от Европы. А извне оно определялось как часть Азии, хотя и отличная от «настоящей» Азии, в частности Китая и Индии.

Европейцы долгое время не хотели воспринимать Россию как свой форпост в Азии. Скорее, наоборот, ее рассматривали как авангард Востока на Западе. Для европейца не было большой разницы в том, находится ли «царство пресвитера Иоанна» в Московии, Сибири или на Тибете. Для полной идентификации российской культуры следовало внести лишь один корректив: Россия — не Азия, она — Евразия.

Самодостаточность

Заимствование чужой — западной — культуры в конечном итоге оборачивается деформацией собственной. Чтобы избежать этого, евразийцы предлагали руководствоваться в жизни стремлением к самосознанию: только оно укажет человеку или народу его настоящее место в мире. Лишь вполне самобытная национальная культура может быть подлинной и отвечать высшим этическим, эстетическим и утилитарным требованиям. Стремление к общечеловеческой культуре с этой точки зрения оказывается несостоятельным. При пестром многообразии национальных характеров и психологических типов такая общечеловеческая культура свелась бы либо к удовлетворению чисто материальных потребностей при полном игнорировании духовных, либо навязала бы всем народам формы жизни, выработанные из национального характера какой-нибудь одной «этнографической особи»⁹.

В качестве внутреннего барьера, защиты культуры от инородного воздействия выступает ее установка на невосприимчивость чуждых и деформирующих влияний. Механизмы самосохранения запрограммированы в ней самой: осознав угрозу, она мобилизует весь центростремительный потенциал для сбережения своей цельности и единства. Ее пространственное местоположение замыкается на понятии «граница». Вычерчивание такой границы становится процессом углубления самосознания данной культуры, выявления ее специфики и уникальности.

Европа — враг

Европейской концепции истории как дуэли Запада и Востока евразийство противопоставило модель «периферии и центра в их динамическом взаимодействии». История свидетельствует, что в культурах Запада и Востока много общего. Однако евразийская культура может существовать только в своем «особом мире», распространяясь из Средней Азии в направлении приморских областей северной части Старого Света¹⁰. Интуиция и вера подсказывают евразийцам этот

⁹Трубецкой Н. С. Об истории и ложном национализме. «К проблеме русского самосознания». Берлин, 1927, с. 13—15.

¹⁰См. Бицилли П. А. «Восток» и «Запад» в истории Старого Света. «Евразийская хроника». Вып. 2. Прага, 1925, с. 337.

путь: как темные массы гуннов двигались на Европу, так и евразийская Россия медленно и мрачно поворачивается сегодня против Запада.

С начала XX века взаимодействие евразийской и европейской культур перемещается из области техники, государственного строительства и политической жизни в сферу мировосприятия. И это круто меняет дело, Запад предстает уже в иной ипостаси. И посему «мы должны привыкнуть к мысли, что романо-германский мир со своей культурой — наш злейший враг». — формулирует позицию евразийцев Трубецкой¹¹.

Европейские понятия «эволюционная лестница», «прогресс», применяемые к истории общества, по мнению евразийцев, понятия глубоко эгоцентрические. В романо-германском мышлении исторический процесс предстает как единая линия. «Не пучком лучей и не связкой параллелей, а лишь одной-единственной линейной направленностью судьбы человечества как единого целого»¹² представляется этому мышлению временное развитие культуры. Культуры, сменяя друг друга в ходе исторического движения, по очереди выходят на каком-то отрезке вперед, и последняя по времени начинает осознавать себя призванной навсегда сохранять главенствующую роль. На положение таковой и претендует романо-германская культура, полагая, что разгадка «мировой тайны» ею уже найдена.

Снова слышится скрытое цитирование Н. Данилевского. Налицо определенно тенденциозная подборка аргументов, которые необходимы для спора. Разве романо-германская культура и историософия так уж едины, как хотелось бы полемистам? Ведь уже Ф. Ницше и О. Шпенглер сказали свое слово, а А. Тойнби набрасывает план своей циклической истории. Но евразийцы полемизируют не с ними, а с европейским XIX веком...

Душа культуры

Согласно евразийской концепции, культуре нельзя научиться или просто заимствовать. Продолжателем культурной традиции является только тот, кто качественно ее обновляет и превращает в неотъемлемый духовный элемент личного бытия, воссоздает ее заново. Она как бы возрождается вновь в каждом человеке и делает таким образом прыжок из прошлого в настоящее, а из него в будущее. История вся состоит из прыжков; там, где подобный процесс прерывается, культура умирает и остается один косный, бездушный быт.

Выстраивая схему линейного культурно-исторического развития, европейское мышление исходит из молчаливой предпосылки о том, что прошлое упирается в настоящее, как в тупик. «И если в конце концов нам начинает казаться, что жизнью управляет железный закон рокового предопределения, то только потому, что из этой предпосылки мы и исходим».¹³ Весь расчет здесь строится на том, что реален лишь быт, но не живая культура, не ее душа.

Именно к духу, душе всегда обращалась евразийская мысль, пытаясь отыскать выход за пределы современной ей европейской цивилизации. Евразийское мировосприятие строилось на признании вполне реального существования общественно-культурных циклов зарождения, расцвета и упадка. При таком подходе культура наделяется всеми признаками личности, что достигается через ее обособление, индивидуализацию. Так называемая «симфоническая личность» культуры составляется из комплекса иерархически организованных общностей и личностей (класс, сословие, семья, индивид), сосуществующих одновременно, но генетически связанных с предшествующими им прошлыми поколениями. В качестве такого сложного организма культура переживает определенные стадии своего развития, но не в рамках непрерывного эволюционного ряда, а в круге законченного (закрытого) культурного цикла.

¹¹Трубецкой Н. С. Русская проблема. «Евразийская хроника». Вып. 2. Прага, 1925, с. 313—314.

¹²Флоровский Г. В. О народах неисторических. «Исход к Востоку». София 1921 с 54

¹³Там же.

Здесь явно прослеживаются идеи Д. Вико и немецких романтиков о вращающейся в циклических кругах органической культуре, культуре прежде всего духовной и интеллектуальной. И это не случайно. Ведь «симфоническая личность» евразийцев (выросшая из «всеединства» их идеолога Карсавина) — это в конечном счете и Мировая Душа, обнаруженная еще Плотинем, гностиками, превращенная у Гегеля в Дух и никогда не исчезающая из европейского менталитета. Вряд ли евразийцам нужно было беспокоиться о наступлении бездуховности в Европе именно в этом плане. Или они уже почувствовали симптомы массовой культуры Запада и признаки нигилистического секуляризма?

Вера есть духовный символ, который религиозно окрашивает культуру. Евразийцы были убеждены, что рождение всякой национальной культуры происходит на религиозной почве. Такой почвой для евразийской культуры стало православие. Оно, по мнению евразийцев, характеризуется стремлением к всеединству, что позволяет ему синтезировать различные идеологические течения — как входящие в рамки данной культуры, так и пребывающие за ее пределами. В этой связи язычество можно рассматривать как «потенциальное православие», поскольку в процессе освоения опыта мировых религий русское и среднеазиатское язычество создают формы веры, более близкие и родственные, чем, например, православие и европейское христианство. Не случайно евразийцы всегда настаивали на близости православия восточным религиям. По их мнению, наиболее близок православию буддизм (на уровне мистическом и этическом). Глубокие корни связывают индийскую и русскую мистику, преломляясь прежде всего в «бытовом исповедничестве», а не в обрядовой или догматической стороне верований. Надежда на легкое и простое преобразование язычества строится на краеугольных идеях обеих религий: духовные центры притягивают и преобразуют хаотическую и деформированную периферию, лежащую во зле. В плане практическом такая установка была установкой миссионеров, несущих свет истины. И если государственность «России—Евразии» столь легко продвигалась на Восток, то путь этот был еще более открыт для Веры.

Мессианиззм

Как и их предшественники — славянофилы, евразийцы — мессианисты, и даже более настойчивые и активные, чем первые (недаром кто-то назвал их «*славянофилами эпохи футуризма*»). Восток, по их мнению, отличается от Запада «горение веры», и культура, пронизанная идеей православия или, как говорят евразийцы, «идеей-правительницей», формирует под ее воздействием весь строй духовной жизни, создает в себе государственность особого, идеократического типа. Идеократичность требует жертвенности. Но эта жертвенность осуществляется не во имя расплывчатого понятия «народ» или чересчур отвлеченного — «человек»; она — во имя срединного понятия «особый мир», под которым мыслится «Россия—Евразия»¹⁴.

Любая идея, претендующая на действительное влияние, дает начало мифу, и обычно именно в этой своей мифологической оболочке она предстает настоящей силой. Говорить об истинности или ложности идей бессмысленно, ибо всякая идея соответствует какому-нибудь внутреннему переживанию и в этом смысле является реальностью. Задача историка — обнаружить это переживание за обволакивающим идею мифом. С учетом сказанного культура Евразии ориентирована на «организацию хаоса» и постепенное распространение организованного (истинного) начала на всю Вселенную.

Евразийская концепция поставила вопрос о неправославной части России как «*потенциальном православном мире*», а также о тяготении этой инородческой культурной периферии к русскому православию как к особому центру. Православие, с точки зрения евразийцев, признает себя культурой, претендующей на

¹⁴ См. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства. «Евразийская хроника». Вып 11. Берлин, 1935, с. 35.

часть истины, на один из ее аспектов, но не отрицающей претензий на нее других культур (в том числе ислама), интерпретация истины которыми рассматривается как особые выражения православной идеологии. Православие не замкнуто в себе и в своем развитии призывает «к свободному саморазвитию других».

Правда, исторический опыт показывает иную картину: жестокие акции православия по христианизации язычников и еще более жестокие — по борьбе с ересями. Может быть, русская инквизиция не сложилась только в силу традиционной организаторской слабости православия? «Органическое вращение» культурной периферии в православие оказывалось не столь органическим, как хотелось бы евразийцам. Да и проблема противостояния христианства и ислама только отодвигалась в тень, но не снималась утверждениями евразийцев.

Церковь и государство

Православие, по мнению евразийцев, обладает способностью легко «прирастать» к той или иной политической форме посредством веры в возможность и необходимость преобразования бытия через его христианизацию. Оно не считает государство единственной реальной силой, верует в собственную силу и потому принципиально благожелательно ко всем разновидностям политической организации общества, расценивая любую из них как преходящую, а не раз и навсегда данную модель¹⁵.

Взаимопроникновение церкви и государства затрудняет разграничение сфер их культурного творчества. Евразийство стремится выработать принцип такого разграничения: направления деятельности церкви — свободная истина, соборное единство, освоение и раскрытие соборного предания; направление деятельности государства — единство нецерковного мира, отъединенного в известной мере от церкви и разъединенного внутри себя. Государство черпает основы своей идеологии в церкви, пребывает в органической связи с нею, но конкретизирует и осуществляет эти идеи в собственной, мирской сфере. Оно неизбежно ошибается и грешит, поскольку функционирует в мире греха. Его внутренняя разъединенность ярче всего проявляется в разделении людей на правящих и управляемых, в отчуждении личности от общества, в использовании силы и принуждения.

«Государство правды»

К своему идеалу Русь идет не путем рационального сознания, а через религиозно-положительный опыт. Главная идея справедливого государства, «государства правды», которое она постоянно стремилась создать, — подчинение государственности религиозным ценностям, имеющим непреходящее значение. Из этого проистекает важный вывод: «государство правды» оказывается не конечным идеалом, установленным в результате социальных преобразований, а только этапом на пути достижения божественной истины. В истории России под наслонениями многообразных взглядов и теорий всегда проглядывало желание соблюсти эту изначальную истину, обуздать стихию человеческой воли, добиться самоподчинения человека религиозно-государственной правде.

В евразийской трактовке перед «государством правды» стоят три задачи: блюсти православие, «возвращать правду на землю» и противостоять абсолютизации материального начала в жизни народа. Самой важной была обязанность «возвращать правду на землю». И если «государство правды» в принципе сопоставимо с правовым государством Запада, то исключительно в первом может иметь место «подвиг власти», существо которого не исчерпывается лишь правовой стороной. «Государство правды и правовое государство — два различных миросо-

¹⁵ См. Зен ьковский В. В. Идея православной культуры. «Православие и культура». Берлин.

зерцания: для первого характерен религиозный пафос, для второго — материальные устремления; в первом правят герои, во втором — серые, средние люди»¹⁶.

На это евразийцам можно было бы возразить, что еще Вл. Соловьев предупреждал об опасности теократических увлечений. Страшен и правовой формализм фарисеев, но Антихрист у Соловьева основывал свою власть на свободном признании ее народами. Правда, сами евразийцы считали свободу этого признания ложной, «безблагодатной». Подлинная проблема теократии — как поддержать в живом состоянии первоначальный пафос вероучения и правды? И где сия Правда? Очевидно, что евразийская трактовка «государства правды» имеет истоком противопоставление закона и благодати. Его основа — не правовое сознание, а вера. И если верить, то можно строить «государство правды».

«Идея-правительница»

Чтобы обезвредить ложные и абстрактные идеологии и вместе с тем не лишиться одушевляющего пафоса, культура должна выработать свою идеологию, органически связанную с конкретной жизнью. Такая идеология может проистекать из некой абсолютной стержневой идеи. «Заземляясь», конкретизируясь, эта идея становится элементом жизни, которую она осмысливает, преобразует и творит.

Истинная идея есть смысл самой действительности (хотя критерий истинности у евразийцев остается неуловимым). Она становится «правительницей», а вся система власти оформляется в идеократию. Центральная «идея-правительница», придающая тон и окраску культуре, является ее сущностью, квинтэссенцией, структурирующим фактором. Вместе с тем ей принадлежит и роль изначальной основы, или архетипа, данной культуры, на обнаружение которого направляется вся культурная деятельность («поиск истины») в ее рациональной и бессознательной формах. Этот архетип в конечном счете определяет и перспективу развития культуры, сопрягаясь с различными географическими, этническими, психологическими и иными моментами. Его черты способны проявляться в бессознательном устремлении культуры в пространстве и времени, особенностях национального творчества и стилях мышления, агрессивности или сдержанности.

«Идея-правительница» не может быть рационально понята до конца. Это — мотив культурной деятельности, питающий ее источник; она переживается, но часто не осознается. Колыбелью ее являются духовное самосознание и реальный опыт правящего слоя данной национальной культуры. Это еще не «народный дух» или голос «крови и почвы», неоднократно заявлявшие о себе в германской истории. Но во всяком случае это — мотивация, выросшая из недр этнонационального организма, обусловленная географией и традицией. Это — мистический приказ, пришедший из неземного мира, это — голос свыше, команда, по которой строится все дальнейшее бытие нации.

Господство идеологии

Идеи, составляющие государственно-общественный идеал, при самых разнообразных формах государственного и политического устройства формируют систему «идеалоправства». «Всякое ддящееся правление, будь оно единодержавным, народодержавным или иным, есть та или иная форма осуществления идеалоправства. Более реально и осязательно, чем люди и учреждения, народами и странами правят идеи»¹⁷. Так, реальная власть в государствах Востока принадлежит не столько царю, сколько религиозной идее царя; в Риме — не императору, а национально-религиозной идее Рима; в Англии — не министрам, а идее правового государства. По своему характеру эти идеи представляются объективными, надличностными, коренятся в господствующей идеологии и, осмысливая общест-

¹⁶ Шахматов М. М. Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России). «Евразийский временник». Кн. 3. Берлин, 1923, с. 76.

¹⁷ Грubeцкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства, с. 38.

венные явления, выступают в виде идеала, образца, задания. Им присущи надприродность и надвременность как черты мифа¹⁸.

Предлагаемая евразийством новая идеология (стержень которой — русское православие) обращена к конкретной действительности текущего дня и, следовательно, становится основанием сознательно-волевой деятельности, т. е. программой действий.

Новая эпоха предполагает новую установку сознания. Носителем этого сознания призвана быть партия особого рода, «правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключаящая существование других таких же партий. Она — государственно-идеологический союз, но вместе с тем она раскидывает сеть своей организации по всей стране и нисходит до низов, не совпадая с государственным аппаратом, и определяется не функцией управления, а идеологией»¹⁹. Новая партия должна находиться в тесной связи с правящим слоем, вырастать из него, сливаться с ним.

Идеология — не просто инструмент власти, она, в истолковании евразийцев, сама власть, которая предстает в двух ипостасях: «идеи-правительнице» и «правящем отборе» (в вольном толковании его можно определить как общественную и культурную элиту в широком смысле слова). Первая — ее основа, квинтэссенция, вторая — социальная почва.

«Правящий отбор»

Правящий слой культуры выражает не групповой, а общенациональный интерес. С евразийской точки зрения элита, «правящий отбор», определяет не только тип государственного устройства, но и тип социальной структуры общества, тип народного хозяйства, тип культуры в целом. Когда элита находится на службе у «идеи-правительницы» это время ее нормального функционирования. Когда же служба становится самоцелью, тогда усиливаются бюрократизм и коррупция, происходит конфликт между узкой правящей группой и «отбором» как общественным слоем. Правящая группа дает трещину и сдвигается с идеальных устоев в «классовый период своего существования»: возрастает ее замкнутость, усиливается групповое самосознание. Жизненная необходимость заставляет ее пополняться за счет других социальных групп, и чужаки начинают подвергать критике старый идеал. Целостность «отбора» нарушается, дробится²⁰.

Истории известны удачные и неудачные попытки создания господствующих элит. К неудачным, например, относится опричнина Ивана Грозного, к удачным — формирование петровской гвардии, служилого дворянства. Европейская культура породила рыцарство, католическая церковь — иезуитов, Китай — ученых-мандаринов, Япония — самураев. В России «правящий отбор» готовился в спешке и часто менял свой характер²¹.

Наиболее качественным типом «правящего отбора» должен стать такой, при котором происходит духовное сплочение на основе общности мировоззрения. Тот тип элиты, который «призван установиться в мире, и в частности в «России—Евразии», — писал Трубецкой, — называется идеократическим и отличается тем, что основным признаком, которым при этом типе отбора объединяются члены правящего слоя, является общность мировоззрения»²².

Идеократия

Приверженцы «идеи-правительницы» должны всем своим существованием доказывать преданность ей. Четких критериев «отбора» концепция не дает, но это не конкуренция демократического типа и не сословность феодальной иерархии.

¹⁸ См. Волгин М.Н. Закон живой идеи. «Евразийская хроника». Вып. 3. Прага, 1925, с. 46.

¹⁹ Евразийство. Опыт систематического изложения, с. 52.

²⁰ См. Ш-в. А. О правящем отборе. «Евразийский сборник». Кн. 6. Прага, 1929, с. 41—42.

²¹ См. Макашев Н.А. О воспитании ведущего отбора (идеократии). «Евразийская хроника». Вып. 12. Берлин, 1937, с. 45.

²² Трубецкой Н.С. Идеократия и армия. «Евразийская хроника». Вып. 10. Париж, 1928, с. 3.

Пожалуй, такие механизмы формирования элиты присущи корпоративной организации — само *дело* отбирает достойных. Представители «правлящего отбора» должны наиболее чутко и адекватно улавливать доминанту, составляющую основу политической жизни. И, вычлняя эту доминанту, они уже тем самым ее формируют, творят.

Общей исторической тенденцией является то, что на смену старым моделям правления призвана прийти новая — идеократия. В ней все государственное и культурное строительство стихийно направлено на создание особых форм, соответствующих самому ее принципу, независимо от конкретного содержания «идеиправительницы». Идеальный государственный строй отличается максимализмом, он требует, чтобы власть была максимально сильна, но чрезвычайно близка к народу²³.

Политическая организация и ее цели

Политическая культура, описываемая в евразийской модели, в значительной степени напоминает целевое объединение религиозно-орденского типа. «Политические партии и масоны — западный продукт, мы же — восточники, и нас не вдохновляют ни идеалы иезуитов, ни свободные мыслители реформатов и протестантизма... По духу своему мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Мы не знаем, были ли у нас предшественники. Но кажется, что прототипом нашего объединения было «старчество», — отмечал Алексеев²⁴.

Однако, судя по дальнейшим рассуждениям, аналогии с иезуитскими и масонскими культурными традициями все же прослеживаются. «Носители идеала» могут оставаться в «надпартийном состоянии», независимо от форм деятельности основных масс его приверженцев. Оказавшись в условиях многопартийной политической системы, евразийцы должны ориентироваться на партии, ближе всего стоящие к ним «по духу». В однопартийной системе они обязаны приложить все усилия для того, чтобы «сделаться мозгами... нового режима, чтобы наполнить новым содержанием обветшалые формы. Евразийцы должны всеми силами просочиться в этот новый режим и руками новой власти построить свое новое государство»²⁵.

Корпоративизм

В евразийской концепции культуры государство описывается как «демотическое». Это значит, что феномен «народного суверенитета» в нем рассматривается не как «атомизированный суррогат западной культуры», а как органическое и организованное единство. Народ здесь — не случайный набор граждан, а совокупность исторических поколений: прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры. Государство не должно выражать волю «всех взрослых вообще», оно опирается на реальных носителей организационных государственных функций: «мы хотим заместить искусственно-анархический порядок представительства отдельных лиц и партий организованным порядком представительства потребностей, знаний и идей»²⁶, т. е. корпоративизмом.

Надо отметить, что евразийский корпоративизм — это уже не сословность эпохи Земских соборов (хотя в качестве идеального образца российской государственности евразийцы брали именно их). Теперь речь идет о *социально-идеологических* функциях, которые должны выполнять в государстве каждая отдельная группа. Это не средневековая задача «служения», а, скорее, новоевропейская

²³ См. Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления. «Евразийская хроника». Вып. 8. Париж, 1927, с. 7—8.

²⁴ Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство. «Евразийская хроника». Вып. 9. Париж, 1927, с. 34. Под «старчеством» подразумевается опыт организации жизни старцев Оптиной пустыни.

²⁵ Там же, с. 35.

²⁶ Там же, с. 38.

«социальная функция». Видно, что в евразийскую концепцию начинает просачиваться враждебный ей механистический дух. При этом «симфонизм» первых программ отходит на второй план — ведь корпоративизм не есть всеединство. Кажется, что что-то случилось с евразийством как мирозозерцанием. Может быть, его коснулась тень надвигающейся эпохи массовости и технизации?

Организирующим принципом государственности и культуры является «государственная константа», вокруг которой концентрируется вся общественная жизнь и которая предстает как принцип, идеал, нуждающийся в конкретизации. Народное голосование и референдум призваны дать «стабилизированной народной воле», заключенной в этой «константе», конкретное приложение к частным случаям социальной жизни. Сама «константа» формируется «правлящим отбором», трактуящим ее в соответствии со своим пониманием «идеи-правительницы». Информация о последней носит эзотерический, закрытый характер, доступна лишь небольшому числу посвященных: ограниченные пределы толкования обеспечивают стабильность идеи, нацелены на ее консервацию. Вместе с тем узкий круг толкователей придает динамичность генеральной политической линии.

«Демотические» элементы политической системы выражены в народных обсуждениях и дискуссиях. Их аморфность сочетается с динамичностью. Они представляют собой как бы нарост на «константе», пребывающей в лоне «идеи-правительницы», и одновременно — питательную почву для «правлящего отбора», а также санитарный кордон против внешней среды, угрожающей «идеи-правительнице» и «отбору».

Власть

«Демотическое» государство хотя и идеократично, но не доктринально. Оно избегает принудительного внушения тотального религиозного или философского мирозозерцания. Отказываясь от принудительного внедрения идеала в жизнь, оно стремится сформировать не цельное, всеобъемлющее мировоззрение, а «общественное мнение определенной культурно-исторической эпохи». Признаки общих идей лежат в плоскости менее глубокой и менее интимной, чем мирозозерцание или религиозная вера. «Демотическое» государство, в отличие от доктринального (например, марксистского или исламского), построено на «внешней правде», на общественном признании, т. е. является правовым, хотя и не в западном смысле.

Вл. Соловьев заметил, что право есть минимизированная справедливость. Право — это уступка нравственности внешним обстоятельствам. Мне кажется, что и евразийское «демотическое» государство потерялось между государством правды и поверхностной демократией Запада. Чтобы существовать в этом мире, идеократия вынуждена приспособливаться к высшим формам. Ее правовой характер, однако, не столь догматичен и формализован, как в демократическом государстве: евразийцы настаивают на повороте власти к социальным проблемам (в программных документах евразийства много говорилось о механизмах представительной власти, о правовом регулировании экономики и т. п.). И все же отход от первоначальной евразийской категоричности наметился. Я бы назвал это *мимикрией концепции*.

Механизмы нормирования и запретов, действующие в «демотическом» государстве, сводятся в основном к двум формам: физическому принуждению (которое должно быть минимальным) и отношениям властвования-подчинения. Вторая форма заставляет предполагать известную духовную связь между властвующими и подчиненными, которая основывается на «некотором внутреннем участии духа самоопределения подвластных. Властные отношения по природе своей всегда иррациональны, в них присутствует элемент гипнотичности, им не чужды состояния магического очарования, особого обаяния, поклонения и восторга»²⁷. Несомненным преимуществом властных отношений является то, что они основаны на очень глубоких и примитивных проявлениях человеческой психики, отчего им и

²⁷ Там же, с. 57.

присуща значительная социально-организующая сила. Надежда на полное исчезновение властных элементов (как в анархизме) — утопия: до тех пор, пока в жизни индивида играют важную роль чисто эмоциональные факторы (любовь, ненависть, привязанность, отвращение и т. д.), они сохраняют свое значение.

Такое толкование наводит на мысль, что власть для евразийского мышления — *самоцель*. «Власть для себя» — это квинтэссенция евразийства. Она сохраняется и используется не для внешних (социальных, экономических и пр.) целей, но для самопотребления. Структура властвования кажется трудноуправляваемой, но «правлящий отбор» — наиболее осязаемый ее носитель. Несмотря на структурную нестабильность правящего слоя (приток и выход составляющих его членов), он олицетворяет среду существования «идеи-правительницы». Ведь в конечном счете именно она отбирает для правящей системы необходимые ей элементы.

Евразийцы неоднократно упрекали славянофилов в отсутствии у последних вкуса к власти и государственности. Те признавали общественность и общинность, но чурались механистической бюрократизации. Власть была для них некой *средой* существования культуры, но не реальным и эффективным инструментом ее самореализации. Евразийцы обожествляли власть, придав ей духовные идеократические черты. К этому их мог привести исторический опыт, в рамках которого волевые властные усилия, казалось, меняли характер исторической эпохи. Как футуристы обожествляли скорость, так евразийцы превозносили власть. В отличие от славянофилов, они — люди нового времени, появившиеся на его пороге, и им нельзя отказать в прозорливости. Потрясения последних лет показали гигантские возможности власти, особенно в условиях хаоса и нестабильности, в ситуации утраченных традиций.

***

Евразийство — *идеология государственности*. Все его геополитические, социокультурные, религиозные и иные аспекты вращаются вокруг проблемы власти. Государство почти тождественно культуре и церкви, государство — тот витальный центр, который позволяет идентифицировать «Россию—Евразию». Вспоминаются слова К. Леонтьева о том, что, утратив наш «византизм», т. е. монархичность и православность, Россия перестанет быть сама собой. Утратив вкус к государственности, Россия не будет Россией и тем более «Россией—Евразией».

И. Исаев, 1994